

Одна история в Олениче. Часть II. Продолжение. Воля отца.

Глава III.

Но вечера я не дождался...

Я лежал в бане, на нижней полке, закинув руки за голову, и жмурил глаза от удовольствия.

Ну, ещё бы... Мамка-то ведь старалась во всю..

Голая, она стояла на четвереньках на полке, между моих широко разваленных в стороны ног, и старательно ласкала языком и губами мою возбуждённую булаву, не забывая и о яичках..

Да, я был на вершине блаженства..

Чёрт, а ведь мой брат во всём был прав... С матерью мне давно уже следовало везти себя, как зрелому мужу с женщиной, а не отроком... И надо сказать, в своей новой ипостаси мама была мне любя гораздо более, чем раньше...

Началось всё утром.

Я мылся в бане, когда скрипнула дверь и вошла мать с тюком нестиранной одежды в руках. Я так и замер, голый и мокрый, с мочалкой в руках, а мать, увидев меня, отчего-то густо покраснела и застенчиво, словно невинная девица, опустила глаза в пол. Она была босиком, и на ней был только простенький домашний сарафанчик с расстегнутым до груди воротом. Со струящимися по плечам волосам и алым румянцем на щеках, мама была удивительно хороша... И я почувствовал, как кровь забурлила в моих жилах, а моё мужское естество наливается возбуждением.

А ещё я удивился своим мыслям. Но надо сказать удивился приятно... Ещё вчера, я бы, конечно, непременно засмутился и торопливо повернулся к матери спиной... Но сегодня... Сегодня я хотел эту красивую женщину и более не собирался этого скрывать. Мало того, я собирался ей овладеть. И более я не видел преград между мной и матерью для своих желаний.

Я пристально смотрел на мать.

— Мам, не смущайся, положи ты свой тюк, — я широко ей улыбнулся, — это очень хорошо, что ты зашла... Как раз мне нужно, чтобы кто-нибудь потёр мне спинку.

Я подмигнул ей, но мой тот был жёстким:

— Я жду тебя мама!

Я помахал мочалкой, бросил её на лавку и отворив низенькую дверь парилки, шагнул во влажный жар парилки истопленной бани, бросив матери через плечо, нарочито, строго:

— Мам, и не заставляй себя ждать... У меня ещё сегодня полно дел!

Ждать она себя не заставила.

Я только успел опрокинуть на себя деревянную кадку с водой, как дверца парилки снова скрипнула. Я лишь мельком глянул на мать. Ну, конечно, же она осталась в своём сарафанчике.

— Мам, ну, ты чего? — насмешливо ухмыльнулся я, — здесь ж жарница! Взмокнешь ведь вся.. Она не смотрела на меня. Её щеки просто пылали. Моё древко было настолько напряжённым, что едва не касалось разбухшей головкой пупка. Да, всё это дико возбуждало меня. А мама упорно не поднимала на меня глаз..

— Ничего-ничего... , — быстро и еле слышно пролепетала мама.

— Ну, мам... , — протянул я, — сарафан-то ведь свой попортишь! Что у нас добра, что ли, в доме полна чаша? А ну, давай, сымай живо! — строго прикрикнул я, отменяя все её попытки к сопротивлению. И не удержавшись-таки, усмехнулся, — или ты меня стесняешься, что ли? Она едва робко взглянула на меня и, вздохнув, послушно через голову стянула с себя свой сарафан. Я смотрел, как заколыхалась её грудь и на лёгкий светлый пушок у неё между ног. Повернувшись, ко мне спиной, ма выскользнула из парилки.

Когда она вернулась, уже без своего одеяния, я с вожделением оглядел её ладное стройное тело. Я знал, что сейчас овладею им... По-моему, она тоже это понимала.

Смачивая мочалку в большой деревянной бадье у полок парилки, мама принялась натирать мне плечи, спину и грудь. Моё возбуждённое копьё то и дело касалось её, но мама упорно делала вид, что не замечает его. Она лишь только всё более краснела, — красные пятна уже проступали даже на её тонкой шее и упругой молочно-белой груди.

Почему-то с каким-то злорадством я вспомнил, каким для меня мучением было раньше, когда мать вдруг решала помочь мне помыться. Возбуждение было невероятным, я весь краснел от стыда и смущался, лёжа на животе, на полке и моля всех богов, чтобы она не заметила моё состояние.

Теперь настал её черёд..

Когда она встала на колени и принялась мыть мои ноги, одну, потом другую, я уже не мог удержаться.

— Иди ко мне, голуба... , — прошептал я, склоняясь к матери.

Она испуганно подняла ко мне лицо..

— Нет, сынок, нет, — что-то там в этом духе лепетала она, пытаясь отстраниться от моих рук, — как же Таинство? Нет, ты не должен брать на себя такой грех..

— К бесу!!, — процедил я, тяжело дыша, — священник грехи отпустит..

Я легко подавил мамкино сопротивление и подмял под себя её упругое стройное тело. И через мгновение, закинув её ножки себе на плечи, разжигаемый пылом и страстью, со всей возможной скоростью и силой, вверзался в свою мать, пронзая её своим любовным орудием. Мама только вскрикивала подо мной, крепко вцепившись в мои плечи. А я тяжело дыша, покрывал горячими поцелуями её лицо и уста.

Страсть повергла мои мысли в пучину, но одно я всё же помню. Уже на самом пике блаженства, готовый низвергнуть в материнское лоно совё семя, я почувствовал, как тело мамы напряглось и через миг забилося в экстазе в моих объятиях...

И теперь, после долгого и бурного нашего соития, я лежал на деревянной полке, закинув руки за голову, и жмурил глаза от удовольствия, чувствуя, как мягкие и влажные губы и язык матери нежно ласкают моё мужское естество. Изредка, я лишь гладил её по густым русым волосам и в порыве нежности шептал ей ласковые слова..

Второй экстаз был сокрушительней первого. Громко вздыхая от удовольствия, я извергал потоки семени в нежный рот матери..

Когда я очнулся, в парилке матери уже не было.

Она была в предбаннике. Румяная, распаренная, повязанная в лёгкое полотено по грудь на мокрое тело, в кадке выстирывала бельё спиной ко мне.

Не удержавшись я потянулся к её аппетитной попке... Но едва мои пальцы коснулись мамы, как она стремительно обернулась и со злостью больно шлёпнула мокрой рубахой меня по лицу. Я так и остолбенел испуганно. Признаться, после всего произошедшего между нами я

менее всего ожидал подобного. И так и замер перед матерью, словно нашкодивший щенок. — Кир! — глаза матери были злы, — я, кажется, уже вам обоим вразумила, что более без Таинства не дам к себе прикоснуться и пальцем никому из вас! Я проявила слабость... Но более всё!

В тот же вечер мы с братом свершили над матерью обряд Таинства. Мать ещё долго после обряда стоя на коленях, голая, просила у небес прощения за то, что мы овладели ей до Таинства.

А мы с Яром, распалённые, с возбуждёнными копьями наперевес, не спускали с её тела глаз, с трудом дождавшись, когда она, наконец, завершит свои бесконечные молитвы. И уж тут не успела мама и дух перевести после молитвы, как мы овладели ею прямо здесь же на полу, и до утра она уж глаз с нами не сомкнула. Много в нас с братом страсти к ней было...

Так оно и пошло дальше. В хозяйстве дел было много. Готовились к зиме, как — никак. Днём с матерью мы, конечно, вели себя, как самые верные добропорядочные сыновья, какими только может гордиться мать. Но ночью...

Ночь принадлежала плотской любви и страсти. Мы с Яром сноровили огромную отцовскую кровать и ложились теперь спать здесь. Мать приходила к нам прямо из баньки, на пороге опочивальни скидывала с себя ночную рубаху и голая приходила к нам в постель. Наша рабыня, наша наложница..

Отец вернулся на месяц раньше положенного срока, прощённый Старейшинами и восстановленный в звании сотника. Оно и не могло быть иначе с отцом. Дюже крепок был его авторитет среди воинов Оленича, да и на Дубравой Заставе даже простым воином раз за разом отличался отец храбростью и удачью в стычках с ватажниками и прочим разбойным людом. Мать тогда была уже второй месяц тяжела.

Явился отец неожиданно, мы и не ждали его вовсе. Помню, как скрипнула дверь мы с Яром как раз в светлице, прямо на полу на медвежьих шкурах напяливали мать вдвоём сразу, зажав её меж нашими телами.

Так мы и замерли.

Отец-великан с усмешкой, обопрясь о дверной костяк смотрел на нас, мать, хлопая глазами, насаженная на возбуждённые копьё своих сыновей и растерянные мы с Яром.

Даже помню страх взял. Характер-то у отца суровый. Понятно, что с матерью его наказ-то вроде как исполняли. Сына ему ещё одного делали. Да только... Как объяснишь теперь ему, почём вот так вдвоём залазили на мать? Да тем паче, что мать то тяжела уже ведь была ребёнком?

Но злости во взгляде отца не было. Его губы растянулись в улыбке.

— Оскучал по Вам, родные... — пророкотал он, делая шаг к нам, — особенно по тебе, родная.. Глухо брякнулся о пол бронник (щит и копьё отец видать ещё в сених оставил), рядом походная торба, отец торопливо скидывал с себя портки и рубаху.

Раскрыв рот, мама недоумённо и растерянно взирала на него.

— Потом, милая, поговорим, потом... — тихо молвил отец, подходя к нам с огромным возбуждённым членом наперевес, — ну, что сынки хорошие замерли? Последнюю ночь даю Вам с мамкой побаловаться! Наслаждайтесь крайнюю ночь..

Запустив руки в пушистые волосы матери, он притянул её к своему возбуждённому клинку. Мать, насаженная теперь уже на три члена, только глухо застонала.